

18+ ПОЛИЦЕЙСКИЙ С ТОГО СВЕТА

РУСЛАН ПАУШУ

Руслан Паушу

Полицейский с того света

<https://litres.ru/74148447>

ISBN 9785006998056

Аннотация

Оперуполномоченный Максим Соколов погибает при загадочных обстоятельствах и попадает в загробную канцелярию, где ему поручают найти похищенного Сортировщика душ — иначе грань между мирами рухнет. В ходе расследования ему предстоит не только столкнуться с падшим ангелом, но и раскрыть мрачную тайну собственного прошлого, чтобы искупить грех, который он сам у себя стёр из памяти.

Содержание

Вызов	6
Квартира	8
Выстрел	9
Темнота	10
Приёмный покой	12
Серые костюмы	13
Ангелина	14
Вне плана	15
Идём	17
Регламент	18
Отдел допусков	20
Кто я здесь?	21
Стена	22
Зал	23
Сортировщик	24
Почему я?	25
Дар	26
Соглашаюсь	27
Пропуск	28
Канцелярия	29
Стол Сортировщика	30
Медальон	32
Отдел пророчеств	33

Тёмный	34
Скепсис	35
Тень	36
Снова стол	37
Медальон	38
Артефакт	39
Кто его создал?	40
Библиотека	41
Поиск	43
Досье	44
Стрельцов	45
Досье	46
Своя фамилия	48
Провал памяти	49
Подлог?	50
Поиск	51
Силуэт	53
Встреча	54
Конец ознакомительного фрагмента.	55

Полицейский с того света

Руслан Паушу

© Руслан Паушу, 2026

ISBN 978-5-0069-9805-6

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Вызов

Утро понедельника пахло вчерашним кофе и сырым асфальтом. Максим Соколов, оперуполномоченный РОВД Центрального района, сидел за своим столом и пятый раз перечитывал сводку за выходные — три кражи, одна драка с поножовщиной и труп в коммуналке на Лиговском. Последний пункт выделялся красным маркером, словно сигнал тревоги, но Максим лишь хмыкнул и отхлебнул из кружки. Обычный питерский уикенд. Ничего нового.

В кабинете было душно, несмотря на распахнутую форточку. Напротив, уткнувшись в монитор, работал Сергей — напарник, с которым они делили один стол и хроническое недосыпание. Сергей что-то бурчал про «висяки» и «начальство опять не подписало рапорт», но Максим не слушал. Его внимание привлекла строчка в ориентировке: «Свидетели сообщают о подозрительном мужчине в чёрном пальто, возможно, вооружён».

— Соколов! — голос капитана Громова разорвал тишину. — Дуй на Лиговский, там мутное убийство. Местные участковые уже там.

— А что не так?

— А то, что соседи говорят — выстрелов не слышали. А труп с пуль в груди. Всё, бегом.

Максим кивнул, накинул куртку и вышел в коридор, где

пахло хлоркой и чьей-то бедой.

Квартира

Коммуналка встретила его запахом жареной рыбы и старого табака. В углу общей кухни сутился участковый, а в дальней комнате, на полу, лежал мужчина лет сорока. Одет прилично, дорогой костюм, часы. В груди — аккуратное отверстие, словно от пули малого калибра. Крови почти не было.

Максим присел на корточки, разглядывая лицо убитого. Мёртвое. Пустое. Как будто его душу вынули раньше, чем пуля попала в тело. Он тряхнул головой, отгоняя странную мысль. Слишком много работы, слишком мало сна.

— Соколов, глянь, — участковый протянул ему пластиковый пакетик. Внутри лежал странный медальон: тёмный металл, гравировка в виде переплетённых линий, похожих на букву «А». — Нашли в кулаке у покойника. Похоже, вырвал у убийцы.

Максим взял пакетик. Металл был холодным, неестественно холодным для тёплой комнаты. От медальона исходило едва заметное гудение, словно внутри билось крошечное сердце. Что за чертовщина? Он сунул улику в карман и продолжил осмотр.

Выстрел

Он не услышал шагов за спиной. Не услышал, как скрипнула половица, и как в воздухе свистнула пуля. Только резкая боль в спине, чуть ниже левой лопатки, заставила его судорожно вздохнуть и рухнуть на колени.

Вот так, значит. Глупо.

Перед глазами всё поплыло. Чьи-то крики, топот ног, лицо Сергея, возникшее откуда-то слева. Но все звуки доносились будто сквозь вату. Максим попытался поднять руку, дотянуться до кармана, где лежал медальон, но пальцы лишь скользнули по ткани.

Мир вокруг начал сворачиваться в чёрную воронку, оставляя только холод и чувство полёта. Последнее, что он увидел — собственное отражение в лужице крови на паркете. Отражение ухмыльнулось. Ну что, доигрался?

Темнота

Тишина. Она не была похожа на обычную тишину — в ней не осталось даже шороха крови в ушах. Максим парил в пустоте, не чувствуя тела, не ощущая времени. Где-то на границе сознания вспыхнул и погас свет, и он вдруг понял, что больше не дышит. И что ему почему-то всё равно.

Так странно. Я умер? Или это сон?

Ответом стало ощущение падения. Он провалился сквозь темноту и больно ударился спиной обо что-то твёрдое. Свет резанул по глазам. Запахло озоном и старой бумагой. Максим открыл глаза. Над ним нависал серый сводчатый потолок, прочерченный сотнями трещин. Где-то далеко гудели голоса, словно тысячи людей перешёптывались одновременно.

Он сел, потирая грудь — туда, куда попала пуля. Никакой раны. Рубашка целая, только холод из кармана стал сильнее. Медальон. Максим вытащил его и уставился на переплетённые линии, которые сейчас, в этом странном освещении, казались живыми. И что дальше?

— Дальше — следуйте за мной, — раздался сухой женский голос.

Максим обернулся. Перед ним стояла стройная женщина в белом брючном костюме, с безупречной осанкой и пучком волос, стянутых на затылке. В её руке поблёскивал планшет.

Она смотрела на Максима, как на задержавшегося пассажира в аэропорту.

— Добро пожаловать в Канцелярию, — сказала она. — Вы вне плана, гражданин Соколов. Идёмте, у нас мало времени.

Максим открыл рот, чтобы возразить, но понял, что слова застряли в горле. Вместо этого он просто встал и пошёл за ней.

Приёмный покой

Коридор тянулся, казалось, в бесконечность. Стены были выкрашены в тот оттенок серого, который используют в государственных учреждениях — ни светлый, ни тёмный, идеально безликий. Под ногами стелился линолеум с редкими потёртостями, словно по нему прошли миллионы ног. Максим шагал за женщиной в белом, пытаясь уложить в голове произошедшее.

Так. Меня убили. Пуля в спину. Я умер. Теперь я в каком-то загробном офисе, и меня ведут неизвестно куда. Прекрасно. Просто прекрасно.

Он потёр переносицу — привычный жест, успокаивающий нервы. На удивление, тело слушалось, как прежде, даже лучше. Никакой боли в спине, никакой тяжести в ногах. Только холод медальона в кармане напоминал о том, что всё это не сон.

— Далеко ещё? — спросил он.

Женщина не обернулась.

— Мы пришли.

Она остановилась перед массивной дверью с табличкой «Отдел первичного приёма душ. Сектор 7-В». На двери висел большой навесной замок, но он щёлкнул сам собой, стоило ей коснуться планшета.

— Прошу.

Серые костюмы

Зал за дверью оказался огромным. Представьте себе зал ожидания вокзала, помноженный на архивную библиотеку: сотни столов, за которыми сидели люди в одинаковых серых костюмах, перебирали папки, перекладывали бумаги, пили чай из картонных стаканчиков. В воздухе висел гул голосов — неразборчивый, как шум моря. Над столами висели таблички: «Сектор покаяния», «Сектор ожидания», «Сектор апелляций».

Никто не обратил на Максима внимания, словно он был пустым местом. Он прошёл мимо стола, где седой мужчина в очках что-то старательно вписывал в толстую книгу, потом мимо женщины, которая тихо плакала, уткнувшись в бумаги. Ангелина вела его мимо, не останавливаясь.

— Кто все эти люди? — спросил Максим.

— Души. Новоприбывшие, ожидающие распределения. Не отвлекайтесь.

— Они выглядят как живые.

— Так и задумано. Им нужно время, чтобы привыкнуть.

Привыкнуть к тому, что ты умер. К тому, что твоя жизнь теперь — очередь в вечную бюрократию. Чудесно.

Ангелина

Они остановились у небольшого стола в углу зала, отгороженного стеклянной перегородкой. На столе стоял монитор, горела настольная лампа, лежала стопка папок. Женщина села за стол и жестом предложила Максиму стул напротив.

— Меня зовут Ангелина, — сказала она. — Я ваш куратор.

— Оперуполномоченный Соколов, — машинально ответил он.

— Больше нет. Вы умерли, гражданин Соколов. Пулевое ранение в грудную клетку, повреждение аорты. Смерть наступила мгновенно. Тело сейчас везут в морг. Официально вы — покойник.

Она произнесла это так буднично, словно зачитывала сводку погоды. Максим откинулся на спинку стула. Внутри что-то оборвалось, но паники не было. Только пустота.

— Я понял. И что теперь?

— Теперь вы здесь. Номер вашего дела — 7-В-13. Но есть проблема. Вы здесь не должны были оказаться. По крайней мере, не сегодня.

Вне плана

Ангелина открыла папку и развернула монитор к Максиму. На экране горела таблица: имя, дата рождения, дата смерти. В графе «Плановая дата прибытия» значилось: «15 ноября 2043 года».

— Это какая-то ошибка, — сказал Максим. — Я не мог умереть через двадцать лет.

— Не могли, — согласилась Ангелина. — Именно поэтому вы здесь. Ваша смерть не была запланирована. Кто-то вмешался в расписание.

— Кто-то? Кто-то убил меня раньше срока?

— Похоже на то.

Максим потёр лицо ладонями. Меня убили досрочно. И теперь я в загробной канцелярии, где мне сообщают, что моя смерть — административное нарушение. Абсурд.

— И что вы предлагаете? Отправить меня обратно?

— Не всё так просто. Ваше тело ещё не похоронено, душа не прошла Сортировку, — она замялась. — Более того, у нас чрезвычайная ситуация. И вы, возможно, единственный, кто может помочь.

— Помочь? Чем?

Ангелина посмотрела ему прямо в глаза.

— Пропал Сортировщик душ. Без него весь процесс распределения остановится. Миры начнут смешиваться. Хаос.

А вы — оперуполномоченный с живым мышлением. Таких здесь нет. Мне поручено доставить вас к Архангелу Михаилу. Он всё объяснит.

Она встала и направилась к выходу. Максим сидел, переваривая услышанное. Потом медленно поднялся.

— Идём.

Идём

Коридор снова потянулся перед ним, уводя вглубь канцелярии. Максим смотрел в спину Ангелины, пытаясь найти зацепку, что-то человеческое в этом безликом месте. Но она шла ровно, словно по струнке, и только ключ на цепочке, болтавшийся у неё на груди, чуть позвякивал в такт шагам.

Пропал Сортировщик. Кто-то вмешался. Моя смерть не случайна. Значит, я теперь детектив на два мира?

Он горько усмехнулся про себя. Это было так нелепо и так знакомо. Максим Соколов, опер, который даже после смерти продолжает расследовать. Только теперь цена — не очередное дело, а судьба всего загробного мира.

Ангелина остановилась перед высокой аркой, за которой клубился серебристый туман.

— Приготовьтесь, — сказала она. — Архангел Михаил не любит ждать.

И шагнула в туман.

Регламент

Зал, в который они вошли, разительно отличался от серых коридоров. Высокие потолки терялись в сумраке, стены были расписаны фресками, изображавшими то ли битвы, то ли шествия душ. В центре, на возвышении, стоял массивный стол из тёмного дерева, за которым восседал человек в белых одеждах. На вид ему было около пятидесяти, но глаза — древние, усталые, с золотыми искорками в глубине.

Архангел Михаил не поднялся. Он лишь кивнул Ангелине и перевёл взгляд на Максима.

— Оперуполномоченный Максим Сергеевич Соколов, — произнёс он голосом, похожим на звон далёкого колокола. — Добро пожаловать в Канцелярию посмертного распределения. Присаживайтесь.

Максим опустился на стул, предложенный Ангелиной, и осмотрелся. В углах зала стояли огромные часы с треснувшими циферблатами, стрелки на них застыли в разных положениях. Пахло ладаном и старой кожей.

— Я умер, — сказал он, — и вместо рая или ада попал в офис. Скажите честно, это какой-то чистилищный юмор?

Михаил едва заметно улыбнулся.

— Ад и рай — сложные системы. Здесь мы занимаемся только сортировкой. Куда направить душу: в следующий круг, на перерождение, в архивы ожидания. Сортировщик

— ключевая фигура. И он исчез.

— И какое это имеет отношение ко мне?

— Прямое. Ваша смерть — часть плана похитителя. Ему нужен был живой человек с определёнными... способностями. Вы подошли.

Отдел допусков

Михаил кивнул, и Ангелина положила перед Максимом папку. На обложке значилось: «Дело №7-В-13. Соколов М. С. Доступ ограничен».

— Это ваше досье, — пояснила она. — Здесь указаны все ваши поступки, помыслы, ключевые моменты судьбы. Но кое-что заблокировано. Чтобы получить полный доступ, нужна форма 9-В, подписанная главой Канцелярии.

— Так подпишите, — Максим пожал плечами.

— Я уже подписал, — отозвался Михаил. — Но форма 9-В требует также визы трёх отделов: Пророчеств, Архивного и Контроля за вмешательствами. Первые два — не проблема. Третий... возглавляет тот, кто похитил Сортировщика.

— Так похититель — ваш сотрудник?

— Бывший, — Михаил сжал подлокотники кресла. — Падший ангел по имени Азариэль. Когда-то я учил его. Он был лучшим. Пока не решил, что знает, как правильно судить души.

Повисла пауза. Максим переваривал информацию. Падший ангел. Бывший сотрудник. И я — ключ. Прекрасная компания.

Кто я здесь?

— Почему я? — спросил он. — Почему не выбрать кого-то другого? Святого, экстрасенса, священника?

— Потому что вы — оперативник, — ответил Михаил. — У вас живое, нешаблонное мышление. Кроме того, в вашем прошлом есть событие, которое делает вас уязвимым для Азариэля. Событие, которое вы сами заблокировали в памяти.

Максим нахмурился.

— Я ничего не блокировал. У меня отличная память.

— У вас вытесненная травма, — Ангелина говорила мягко, но настойчиво. — Связанная с гибелью человека, которого вы не смогли спасти. Именно эта травма создала в вашей душе трещину. Через неё Азариэль и вытащил вас сюда.

Человек, которого я не смог спасти. В голове что-то зашевелилось, смутное, тёмное. Лицо в дожде. Крик. Рука, соскальзывающая с мокрой ладони. Максим тряхнул головой.

— Я не помню такого.

— Поэтому мы и дадим вам доступ в Архив памяти, — сказал Михаил. — Но сначала — задание. Найдите Сортировщика. Верните его. Тогда я верну вам жизнь.

— А если не найду?

— Тогда останетесь здесь. Навсегда.

Стена

Они вышли из зала и снова оказались в бесконечном коридоре. Максим молчал, глядя под ноги. Ангелина вела его в отдел Сортировщика, на место преступления. Ему нужно было увидеть всё своими глазами.

По пути они проходили мимо огромной стены, состоящей из тысяч маленьких ящичков — каждый с номером, как в банковской ячейке.

— Что это? — спросил Максим.

— Хранилище личных вещей душ. То, что они приносят с собой из мира живых. Воспоминания, иногда — предметы.

Максим остановился. Один из ящичков, под номером 7-B-13, слегка светился. Он протянул руку, но Ангелина перехватила её.

— Не сейчас. Сначала — расследование.

Они пошли дальше, а светящийся ящичек так и остался позади, храня чью-то тайну.

Зал

Они вернулись в зал Михаила, но уже без Ангелины — она осталась в коридоре, оформлять какие-то пропуска. Максим стоял перед массивным столом, чувствуя себя нашкодившим школьником перед директором. Архангел молчал, перебирая бумаги.

— Итак, — наконец произнёс Михаил. — Повторю для ясности. Сортировщик исчез прямо во время работы. Ни свидетелей, ни следов взлома. Единственная зацепка — странный предмет, оставленный на его столе. Ангелина покажет вам.

— Почему вы сами не можете его найти? — спросил Максим. — Вы же архангел. У вас должна быть сила.

— Сила есть. Но есть и правила. Я не могу покидать этот зал, не могу вмешиваться напрямую. Моя роль — наблюдать и направлять. Азариэль знает эти правила и играет против меня.

— То есть вы даёте мне задание, которое сами не можете выполнить.

— Именно так.

Сортировщик

Михаил встал из-за стола и подошёл к одной из фресок на стене. На ней было изображено огромное колесо, внутри которого кружились человеческие фигуры.

— Сортировщик — не просто чиновник, — сказал он. — Это сущность, связывающая все миры. Без него души начнут застревать, возвращаться, теряться. Живые начнут видеть мёртвых, мёртвые — пытаться вернуться. Граница истончится. И тогда случится то, чего не было со времён Потопа.

— Хаос, — сказал Максим.

— Хаос, — подтвердил Михаил. — Поэтому времени у вас мало. Тело ваше пока поддерживают в состоянии клинической смерти, но через трое суток врачи констатируют биологическую смерть, и пути назад не будет.

Трое суток. Максим мысленно прикинул. За трое суток в своей земной практике он раскрывал не самые сложные дела. Но здесь — загробный мир, падшие ангелы, украденные сущности. И никаких экспертов-криминалистов.

Почему я?

— Вы сказали, у меня есть особый дар, — Максим вспомнил слова при первой встрече. — Что за дар?

Михаил посмотрел на него долгим взглядом, словно решая, стоит ли говорить.

— Вы когда-нибудь замечали, что чувствуете ложь острее других? Что иногда знаете, кто виновен, ещё до того, как найдёте улики? Что видите сны, которые потом сбываются?

Максим нахмурился. Было такое. Пару раз. Он списывал на интуицию и опыт.

— Это не интуиция, — сказал Михаил. — Это отголоски дара. Способности влиять на грань между жизнью и смертью. У вас она врождённая, но заблокирована. Той самой травмой, о которой говорила Ангелина. Если вы справитесь с заданием, дар пробудится полностью. И тогда вы станете хранителем границы.

— Хранителем? Я не напрашивался.

— Никто не напрашивается. Это даётся. Или не даётся.

Дар

Михаил подошёл к Максиму почти вплотную и положил руку ему на плечо. Рука была тяжёлой и тёплой одновременно.

— У вас есть выбор, Максим Сергеевич. Вы можете отказаться. Тогда ваша душа отправится в общий поток, пройдёт Сортировку, когда мы найдём Сортировщика, и получит то, что заслужила. Но живым вы уже не вернётесь.

— А если соглашусь?

— Тогда у вас есть шанс. Вернётесь. Но с даром. С грузом. С ответственностью. И с врагом — Азариэлем, который не остановится.

Максим молчал минуту. Потом поднял глаза.

— Что нужно делать?

Соглашаюсь

Михаил отступил, и на его лице мелькнуло что-то похожее на облегчение.

— Ангелина станет вашим проводником. Она знает Канцелярию и протоколы. Слушайтесь её... по возможности. И найдите мне Сортировщика.

— А напарник? Оружие? Хотя бы значок?

— Ваше оружие здесь, — Михаил постучал пальцем по виску. — Ваш значок — вот, — он протянул Максиму небольшой серебряный кристалл на цепочке. — Этот амулет покажет вам следы тёмной энергии, если будете достаточно внимательны. И ещё — он позволит Ангелине всегда знать, где вы находитесь.

Максим взял кристалл, повертел в пальцах. Обычная стекляшка. Но когда он коснулся её, внутри что-то вспыхнуло, и по руке пробежало тепло.

— И последнее, — добавил Михаил. — Азариэль не знает, что вы здесь по моему заданию?..

— Думаю, уже знает, — мрачно сказала Ангелина, появляясь в дверях. — Кто-то только что запрашивал досье Соколова из отдела Контроля за вмешательствами.

Максим сжал кристалл в ладони. Ну что ж. Игра началась.

Пропуск

Ангелина повела его длинным обходным коридором к столу Сортировщика. По дороге она вручила Максиму пластиковую карточку — временный пропуск.

— С этой карточкой вас пропустят в большинство отделов, — пояснила она. — Но не во все. Архив памяти, например, потребует отдельного разрешения.

— Как бюро пропусков, — хмыкнул Максим.

— Это и есть бюро пропусков, только для душ, — Ангелина говорила без тени иронии. — Здесь всё работает по регламенту. Даже Архангел не может его нарушить.

— А вы? Можете?

Она промолчала, но Максим заметил, как чуть дрогнул уголок её рта. Значит, можешь. И нарушала. Интересно.

Канцелярия

Отдел Сортировщика находился в отдельном крыле, куда вела узкая лестница. На стенах висели плакаты: «Сортировка — залог порядка», «Каждая душа должна быть учтена», «Не разглашайте информацию о подопечных». Всё как в обычном полицейском участке, только вместо Уголовного кодекса — небесные скрижали.

За столами сидели клерки в сером и перебирали папки. Они не поднимали глаз, когда Максим проходил мимо, но он чувствовал их взгляды — быстрые, настороженные. Чужак. Живой в мире мёртвых. Здесь такое, видимо, нечасто.

— Не обращайтесь внимания, — сказала Ангелина. — Они боятся.

— Чего?

— Перемен. Вы — первая живая душа в Канцелярии за последние триста лет.

Стол Сортировщика

Кабинет Сортировщика оказался небольшим, но светлым. Огромное окно выходило на серую равнину, затянутую туманом — вид, от которого веяло бесконечностью. Посреди комнаты стоял массивный стол, заваленный папками, а перед ним — пустое кресло.

На столешнице лежал раскрытый журнал учёта, ручка, недопитый стакан с водой и... Максим замер. В центре стола, на багровом бархате, покоился старинный медальон. Точно такой же, какой он нашёл на месте убийства в коммуналке. Только этот был крупнее, и гравировка на нём светилась.

— Это он, — прошептал Максим, доставая из кармана свой медальон. — Такие же линии.

Ангелина приблизилась и присмотрелась.

— Артефакт открытия проходов между мирами. Древняя вещь, запрещённая к использованию. Тот, кто его создал, мог перемещаться между мирами, как между комнатами.

— И у убийцы в Петербурге был такой же. Значит, похититель использовал их, чтобы проникнуть в Канцелярию и забрать Сортировщика.

— Логично, — кивнула Ангелина. — Но где он взял второй? И кто носил первый?

Максим сжал медальон в руке. Две стороны одной двери. Одна здесь, одна в мире живых. Кто-то ходит туда-сюда, как

к себе домой.

Медальон

Он положил оба медальона рядом. Они были похожи, как близнецы, но на том, что с земли, гравировка была повреждена — словно кто-то пытался её соскоблить. А на здешнем линии пульсировали ровным, ритмичным светом, как сердцебиение.

— Что будет, если их соединить? — спросил Максим.

— Не знаю. По легенде, тот, кто владел обоими ключами, мог открыть Главные Врата. Но это миф.

— Мифы здесь — это история, — раздался голос от двери.

Они обернулись. На пороге стояла женщина в тёмно-синем костюме, с чашкой кофе в руке и ироничной улыбкой. Круги под глазами, усталый вид — но взгляд острый, цепкий.

— Кассандра, — представилась она. — Заведую отделом пророчеств. А вы, стало быть, живой опер. Наслышана.

— Вы что-то знаете о медальонах? — спросил Максим.

— Я знаю, что один из них всплывёт в вашем прошлом, — она отхлебнула кофе. — А второй приведёт вас к Тёмному. Но это если выживете.

И она ушла, оставив после себя запах горького кофе и недосказанность.

Максим переглянулся с Ангелиной. Ну и денёк. Пророчества, падшие ангелы, медальоны. И это только начало.

Отдел пророчеств

Кассандра ждала их в своём кабинете — тесной комнате, заставленной книжными шкафами до потолка. На столах громоздились чашки с засохшей кофейной гущей, исписанные блокноты, старые карты звёздного неба. В углу тихо гудел старый вентилятор, разгоняя сигаретный дым. Сама хозяйка сидела в кресле, закинув ноги на стол, и лениво помещивала ложечкой в очередной чашке.

— Проходите, — сказала она, не оборачиваясь. — Живой опер и ангел-бюрократ. Редкое сочетание.

Максим шагнул внутрь, стараясь не задеть стопку книг, балансировавшую на краю стула. Ангелина осталась в дверях, скрестив руки на груди — она явно не любила это место.

— Вы сказали, что один медальон всплывёт в моём прошлом, — начал Максим. — Откуда вы знаете?

— Оттуда, — Кассандра махнула рукой в сторону окна, за которым клубился туман. — Я вижу линии вероятностей. Иногда они складываются в картинку. Ваша линия, гражданин Соколов, сейчас — сплошной узел.

— И что вы видите в этом узле?

— Тёмного. Он был светлым когда-то, а теперь — тень. Он ждал вас. Не конкретно вас — кого-то с трещиной, с чувством вины, с незакрытым гештальтом. Вы подошли идеально.

Тёмный

— Азариэль, — произнесла Ангелина из дверного проёма. — Вы говорите об Азариэле.

Кассандра кивнула, отхлебнула кофе и поморщилась — остыло.

— Он приходил ко мне. Давно, ещё до изгнания. Спрашивал про сортировку, про несправедливость, про то, можно ли изменить приговор. Я сказала то, что видела: система рухнет, если кто-то попытается её переписать в одиночку. Он не слушал.

— И что теперь? — спросил Максим.

— Теперь он хочет занять место Сортировщика. И для этого ему нужен ключ. Не медальон — медальоны лишь инструменты. Настоящий ключ — живая душа, способная пересекать границу без разрушения. Вы.

Максим почувствовал, как холодок пробежал по спине. Живая душа. Ключ. Значит, Азариэль не просто использовал меня — он меня выбрал.

Скепсис

— Я не верю в пророчества, — сказал Максим, стараясь, чтобы голос звучал твёрдо. — В моей работе я верю в факты, улики, свидетелей.

— Ваша работа закончилась, — напомнила Кассандра. — Теперь вы — часть пророчества, нравится вам это или нет.

— Что конкретно я должен сделать? Куда идти? Кого искать?

— Идите туда, где тени не отбрасывают тени, — она улыбнулась, и улыбка эта была невесёлой. — Это всё, что я вижу сейчас. Остальное зависит от вас.

Максим выругался про себя. Опять загадки. Как будто мало мне канцелярских протоколов — теперь ещё и пророчества в рифму.

— И последнее, — добавила Кассандра, когда он уже повернулся к выходу. — Ваш медальон. Тот, что с земли. Вы нашли его на месте убийства, но он не принадлежал убитому. Его обронил тот, кто стрелял в вас.

— Откуда вы...

— Я же говорю. Я вижу.

Тень

В коридоре Ангелина догнала его и пошла рядом, чуть ускорив шаг.

— Вы ей верите? — спросил Максим.

— Кассандра никогда не лжёт. Но её правда всегда устроена так, что понимаешь её слишком поздно.

— Отлично. Просто отлично.

Они прошли ещё немного, и Максим вдруг остановился. На стене коридора, в пятне тусклого света, его тень вела себя странно: она не повторяла его движений, а стояла неподвижно, чуть наклонив голову, словно прислушиваясь.

— Что это? — прошептал он.

Ангелина проследила за его взглядом, и её лицо окаменело.

— Это его тень. Азариэля. Он знает, что вы здесь.

Тень колыхнулась и исчезла, растаяв в полумраке коридора. А в голове у Максима прозвучал далёкий, тихий смешок. Не слышалось. Он здесь. Он следит.

Снова стол

Они вернулись в кабинет Сортировщика. На этот раз Максим осматривал его методично, как место преступления: от двери по часовой стрелке, отмечая каждую деталь. Кресло Сортировщика было отодвинуто от стола — словно он встал резко, возможно, испугавшись. На подлокотнике остались царапины, будто кто-то вцепился в дерево ногтями.

— Сортировщик пытался удержаться, — сказал Максим.
— Его тащили, он хватался за кресло. Но потом отпустил.
— Или его заставили отпустить, — добавила Ангелина.

На полу, у самой стены, Максим заметил едва видимый след — тонкую полоску копоти, словно здесь что-то протаскивали, оставляя грязный шлейф. След вёл к окну.

— Он не ушёл через коридор. Похититель использовал портал. Вот здесь, прямо у окна.

Ангелина покачала головой.

— Портал внутри Канцелярии невозможен без специального разрешения. Здесь стоит блокировка.

— Блокировку можно обойти, если у тебя есть два медальона, — Максим достал оба артефакта. — Один здесь, один там. Они работают как мост.

Медальон

Он положил медальоны на стол рядом друг с другом. Когда металл соприкоснулся, по комнате прошла едва заметная дрожь, и линии на артефактах засветились синхронно, словно обмениваясь сигналом.

— Они связаны, — прошептала Ангелина. — Это парные ключи.

Максим наклонился ближе. На земном медальоне, помимо повреждённой гравировки, он заметил крошечную надпись по ободку. Почерк был старинный, буквы стёрты, но одну можно было разобрать: «А».

— «А», — произнёс он вслух. — Азариэль. Или...

— Или «Ангелина», — тихо сказала она. — Но это не я.

— Уверены?

— Я бы не стала создавать артефакт, способный разрушить границу между мирами. Это против всего, чему я служу.

Максим кивнул, но где-то в глубине сознания засела мысль. Она что-то недоговаривает. Что-то личное.

Артефакт

Ангелина взяла медальон с земли и повертела в пальцах.

— Этот металл — не небесный. Он выкован в мире живых, но по старым чертежам. Я видела такие в архиве Михаила. Их создавали Переписчики — люди, обладавшие даром чувствовать грань.

— Переписчики?

— Была такая секта в средневековье. Они верили, что могут изменить посмертную судьбу души, если запишут её имя в другую книгу. Церковь их преследовала, но некоторые артефакты уцелели.

— И Азариэль нашёл такой артефакт.

— Или сам научил их когда-то, — Ангелина нахмурилась.
— До своего падения он много времени проводил в мире живых. Изучал людей. Тех, кто балансирует на грани.

Максим вспомнил свои странные сны, свою «интуицию», которая иногда пугала коллег. Я балансировал на грани всю жизнь. И не знал об этом.

— Значит, Азариэль мог оставить свои следы и в мире живых, — сказал он. — И мне нужно их найти.

Кто его создал?

— Вопрос в том, — произнесла Ангелина, — где именно в мире живых Азариэль взял второй медальон. И кто носил его до того, как он оказался в коммуналке.

Максим откинулся на спинку кресла и прикрыл глаза. Перед мысленным взором всплыло лицо убитого в коммуналке — дорогой костюм, часы, пуля в груди. И медальон, зажатый в кулаке. Он знал, что за ним охотятся. Пытался защититься. Или, наоборот, сам был охотником.

— Мне нужно изучить досье убитого, — сказал он. — Как это сделать?

— В Библиотеке Судеб, — ответила Ангелина. — Там хранятся книги всех жизней.

— Тогда идём в библиотеку.

Библиотека

Библиотека Судеб оказалась местом, от которого захватывало дух. Представьте себе зал размером с вокзал, уходящий ввысь на десятки этажей, и каждый этаж — сплошь стеллажи, на которых стояли не книги даже, а огромные фолианты в кожаных переплётах. Между стеллажами сновали библиотекари в серых халатах, толкали тележки с новыми поступлениями, что-то записывали в планшеты.

Пахло старой бумагой, кожей, чуть-чуть — воском, как в храме. Свет лился неизвестно откуда, рассеянный и мягкий.

— Здесь хранятся судьбы всех людей, когда-либо живших и живущих, — объяснила Ангелина. — Каждая книга — одна жизнь. В ней записано всё: поступки, мысли, ключевые моменты.

— И вы можете прочитать любую?

— Только с разрешения. У вас есть временный доступ по статусу расследования.

Она подвела его к центральной стойке, где восседал сухонький старичок с лупой в руке. Он поднял глаза на Максима, подслеповато прищурился и сказал:

— Живой? Надо же. Давно таких не было. Что ищете?

— Досье, — ответил Максим. — На человека, убитого сегодня в Петербурге, в коммуналке на Лиговском.

Старичок зашелестел пальцами по клавиатуре — стран-

ный гибрид печатной машинки и планшета — и через минуту покачал головой.

— Душа ещё не прибыла. Книга не обновлена. Но могу дать черновик — последние записи до момента смерти.

Поиск

Черновик принесли через пять минут — тонкая брошюра в серой обложке, на которой значилось: «Кузьмин Андрей Валерьевич, 1978—2024. Черновик №4591-В. Не завершён».

Максим раскрыл её и начал читать. Кузьмин был бизнесменом средней руки, занимался антиквариатом. В последние месяцы жизни он заинтересовался какими-то старыми артефактами, влез в долги, начал общаться со странными людьми. За неделю до смерти приобрёл на подпольном аукционе «предмет неизвестного назначения».

— Медальон, — понял Максим. — Он купил медальон. И за ним пришли.

— Кто?

— Тот, кто знал, что медальон настоящий. Кому он был нужен для ритуала. Азариэль — или кто-то, работающий на него в мире живых.

Он листал дальше и вдруг замер. В графе «Контакты за последний месяц» значилось имя: «Игорь Стрельцов». И приписка: «Консультация по вопросам старинных вещей».

— Стрельцов, — прошептал Максим. — Я знаю эту фамилию.

Досье

Он захлопнул брошюру и повернулся к Ангелине.

— Мне нужно досье на Стрельцова. Игоря Стрельцова.

— Вы его знаете?

— Не помню. Но фамилия вызывает холодок. И ещё — я, кажется, участвовал в его задержании.

Ангелина ввела запрос в планшет. Через минуту на экране высветилась надпись: «Стрельцов Игорь Владимирович, 1982—2023. Статус: душа не прошла Сортировку. Находится в Чистилище».

— Он здесь, — сказала она. — В Чистилище. И книгу его жизни вы можете прочитать прямо сейчас.

— Давайте.

Пока Ангелина ходила к стойке заказывать книгу, Максим сидел, глядя в одну точку. Стрельцов. Почему мне не по себе от этой фамилии? Что я скрываю сам от себя?

Стрельцов

Книга Стрельцова оказалась тяжёлой, в тёмно-красном переплёте. Максим открыл её и сразу наткнулся на знакомые строки: «Сентябрь 2019. Задержан в ходе спецоперации сотрудниками РОВД Центрального района. При задержании оказал сопротивление, в результате которого один из оперативников получил травму. Подозреваемый попытался скрыться через крышу, но был остановлен оперуполномоченным Соколовым М. С.»

Максим перечитал последнюю фразу трижды. Его имя. Его задержание. Но он совершенно этого не помнил.

— Ангелина, — позвал он. — Здесь написано, что я его задерживал. Но в моей памяти этого нет. Вообще.

Она подошла, прочитала запись и нахмурилась.

— Похоже, вы заблокировали это воспоминание. Сами. Или вам помогли.

— Кто?

— Возможно, тот же, кто заблокировал ваш дар. Тот, кому было выгодно, чтобы вы не помнили.

Максим закрыл книгу и поднялся.

— Мне нужно в Чистилище. Я хочу поговорить со Стрельцовым лично.

Досье

Чистилище встретило их тишиной и холодом. Это было странное место: бесконечная серая равнина под низким небом, где бродили тени — души, ожидающие своей участи. Некоторые стояли неподвижно, уставившись в землю, другие ходили кругами, что-то бормоча. Вдалеке, у самой линии горизонта, виднелось здание — что-то вроде пересыльного пункта.

Максим и Ангелина шли через поле, и тени расступались перед ними, словно чувствуя живое присутствие. Где-то в глубине равнины плакал ребёнок, где-то старушечий голос напевал колыбельную.

— Это те, кто ещё не знает своей участи, — тихо сказала Ангелина. — Сортировщик не успел вынести решение.

— И теперь они застряли здесь навсегда?

— Если мы не вернём Сортировщика — да.

В пересыльном пункте их встретил дежурный ангел — усталый, с мешками под глазами, явно перерабатывающий в авральном режиме. Он проверил пропуск Максима и провёл их в комнату для допросов — маленькую, с голыми стенами, столом и двумя стульями.

Когда ввели Стрельцова, Максим едва узнал его. На фотографии из дела это был жёсткий мужчина с холодным взглядом. Теперь же перед ним стоял испуганный человек с дро-

жащими руками, одетый в серую робу.

— Соколов? — Стрельцов уставился на него. — Вы? Вы же... живой?

Своя фамилия

Разговор не клеился. Стрельцов был напуган, сбивался, путался в показаниях. Он помнил своё задержание, помнил Максима на той крыше, но подробности ускользали.

— Я купил тот медальон по случаю, — твердил он. — Думал, продам. Не знал, что это настоящий артефакт.

— Кто вам сказал, что он настоящий? — спросил Максим.

— Один человек. Приходил сюда, в Чистилище. Расспрашивал про Сортировщика, про то, как попасть в административную часть. Говорил, что знает способ переписать судьбу.

— Имя?

— Не сказал. Но... он был похож на вас. На живого. Только крылья за спиной.

Ангелина вздрогнула.

— Азариэль. Он использует души в Чистилище как информаторов.

Стрельцов опустил голову.

— Я думал, он поможет мне. Я жду сортировки уже год. Мне страшно. Я не хочу в нижний круг.

Максим смотрел на него и чувствовал странную смесь жалости и отвращения. Вот он — убийца, которого я задерживал. И вот он сейчас — жалкий, напуганный, молящий о пощаде. Почему же я ничего не чувствую?

Провал памяти

— Расскажите мне о задержании, — попросил он. — Что было на крыше?

Стрельцов поднял на него глаза.

— Вы не помните?

— Нет. Совсем.

— Мы дрались, — медленно произнёс Стрельцов. — Вы пытались надеть на меня наручники, но я вырвался. Побежал к краю. Вы за мной. Там был карниз, старый, скользкий после дождя... — он замолчал. — Я поскользнулся. И полетел вниз. Вы пытались меня удержать. Схватили за руку. Но... не смогли.

Максим смотрел на свои ладони. Вот, значит, что. Я пытался спасти его. И не смог. И забыл.

— Ваша рука соскользнула, — продолжал Стрельцов. — Я упал. И разбился. Это был несчастный случай. Но вы почему-то винили себя.

Потому что я всегда виню себя, когда не могу спасти. Потому что для меня каждое дело — личное. Потому что я — дурак.

Подлог?

Максим встал и подошёл к стене. В голове шумело.

— В протоколе задержания стоит моя подпись, — сказал он. — Но я не помню, чтобы подписывал его. И почерк — не мой.

— Может быть, кто-то подделал? — предположила Ангелина.

— Или я подписал, но потом стёр себе память. Есть здесь процедура стирания памяти?

— Есть, — она замаялась. — Но она применяется только по решению Архангела и только в исключительных случаях. Например, если душа не может справиться с грузом вины и это мешает её посмертному пути.

Максим резко повернулся.

— То есть я сам попросил стереть мне память?

— Или вас заставили. Или это сделали без вашего ведома. Я не знаю.

— Зато я знаю, — раздался голос от двери.

На пороге стояла Кассандра. На этот раз без кофе, но всё с той же невесёлой улыбкой.

— Я же говорила: один медальон всплывёт в вашем прошлом. Вот он, — она кивнула на Стрельцова. — Ваше прошлое. Ваша вина. Ваш ключ к Тёмному.

Поиск

Кассандра подошла ближе и остановилась напротив Стрельцова. Тот сжался под её взглядом, как нашкодивший пёс.

— Ты знаешь больше, чем говоришь, — сказала она ему.
— Ты видел Азариэля не один раз. Он приходил к тебе дважды. Второй раз — после того, как ты рассказал ему про Сортировщика.

— Я не хотел... — залепетал Стрельцов.

— Чего ты не хотел? — переспросил Максим.

— Он обещал мне пересмотр дела! Сказал, что если я помогу ему, он перепишет мою книгу, и меня отправят в лучший круг. Я только хотел...

— Что ты ему рассказал?

Стрельцов сгорбился.

— Я рассказал, как работает система. Где находится отдел Сортировщика, какие протоколы, кто из сотрудников берёт взятки душами, а кто — принципиальный. Я не думал, что он похитит Сортировщика. Я думал, он просто хочет подать апелляцию.

Максим выругался сквозь зубы. Азариэль использовал отчаявшуюся душу как наводчика. Просто. Эффективно. Цинично.

— Где сейчас Азариэль? — спросила Ангелина.

— Не знаю. Он не говорит. Приходит, когда хочет, уходит, когда захочет. У него есть доступ в Чистилище. Кажется, он прячется где-то здесь, в заброшенных секторах.

Силуэт

— Зброшенные сектора? — переспросила Ангелина. — Их опечатали ещё при Азариэле. Он знал, как снять печати.

— Он много чего знает, — вздохнула Кассандра. — И много чего умеет. Он был лучшим учеником Михаила.

Максим шагнул к Стрельцову и присел на корточки, чтобы оказаться с ним на одном уровне.

— Слушай меня, Стрельцов. Ты помог преступнику, и из-за тебя весь загробный мир на грани коллапса. Но у тебя есть шанс искупить. Вспомни всё, что он говорил. Где он мог спрятаться? Что упоминал?

Стрельцов зажмурился, напряг память.

— Он говорил... про зеркала. Что зеркала — это двери, если знать, с какой стороны подойти. И ещё — про старое крыло Канцелярии, где хранятся забытые дела. Там, сказал он, стеллажи не отбрасывают тени.

— Где это?

— Я не знаю. Никогда там не был. Это где-то на нижних этажах.

Максим переглянулся с Ангелиной. Стеллажи, не отбрасывающие тени. Старое крыло. Зеркала. Пазл потихоньку складывается.

Встреча

Они вышли из пересыльного пункта в серую тишину Чистилища. Вдалеке, у самого горизонта, на мгновение мелькнула тень — высокая, с расправленными крыльями за спиной. Максим замер.

— Это он? — прошептал он.

Ангелина пригляделась и покачала головой.

— Это одна из заблудших душ. Чистилище полно таких — они видят то, чего боятся. Или то, на что надеются.

— А что я сейчас видел?

— Может быть, Азариэля. А может быть — ваше собственное прошлое. Здесь эти вещи часто смешиваются.

Максим смотрел на удаляющуюся тень, чувствуя, как внутри нарастает холод. Где-то там, в этом сером поле, прячется враг. И где-то там — ответы. Нужно только их найти.

Они направились обратно к выходу из Чистилища, когда за спиной раздались быстрые шаги. Их догонял Стрельцов — дежурный ангел отпустил его под надзор на пару минут.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.